

HARLEQUIN®

093

™

D

Анни Берроуз

ДЕРЗКОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ДЕБЮТАНТКИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Энни Берроуз
Дерзкое предложение
дебютантки
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 93

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28063885

Дерзкое предложение дебютантки: роман / Берроуз Э.: Центрполиграф;

Москва; 2018

ISBN 978-5-227-08370-8

Аннотация

Мисс Джорджиана Уикфорд, питающая отвращение к физической близости с мужчиной и потому не желающая выходить замуж, придумала блестящий, по ее мнению, план избежать неминуемого – нужно вступить в фиктивный брак! Выбор ее падает на лорда Эшендена, с которым она была очень дружна в детстве. Они провели в разлуке долгие десять лет, ничего друг о друге не зная. Эдмунд же, несмотря на настоятельные уговоры матери, принципиально отказывается жениться и обзаводиться наследниками, в чем состоит его прямой долг как продолжателя рода. И все же природный инстинкт и

совместные теплые воспоминания заставляют молодых людей
повнимательнее присмотреться друг к другу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Энни Берроуз

Дерзкое предложение дебютантки

Глава 1

Презрительно раздувая ноздри, лорд Эшенден скомкал записку своими длинными тонкими пальцами.

*«Встретимся на нашем месте.
Дж.»*

Ни вежливого приветствия, ни подписи. После стольких лет молчания всего четыре слова и первые буквы имени.

Она даже не потрудилась указать время. Но этого и не требуется. Если им суждено встретиться, то на том же месте, где и всегда, на рассвете, пока вокруг нет ни души.

Если им суждено встретиться? Великий боже, неужели этой женщине достаточно всего лишь поманить его пальцем, чтобы он тут же захотел оседлать коня и скакать во весь опор узнавать, чего она хочет?

Он бросил записку в огонь и, облокотившись рукой о каминную полку, довольно наблюдал за тем, как пламя поглощает послание.

Неужели она в самом деле решила, что он ответит на по-

добный призыв? И это после того, как она повернулась к нему спиной, когда он больше всего в ней нуждался? Не задумываясь, отмахнулась от их дружбы?

И все же...

Он поставил сапог на скамеечку для ног, размышляя о том, что если не пойдет, то так никогда и не узнает, что заставило ее нарушить обет молчания и обратиться к нему.

Возможно, именно поэтому ее записка такая короткая. Он сжал зубы. Она слишком хорошо его знает. Понимает, что загадочное послание так сильно раззадорит его любопытство, что не будет ему покоя, пока не выяснит, что за всем этим стоит.

Вероятно также, что она хотела заставить его почувствовать себя виноватым в случае, если проигнорирует ее призыв. Он ведь обещал оказать ей помощь, если потребуется. Хотя пока она не заявляла, что ей нужно содействие. Нет, она для этого слишком коварна и потому лишь раздражила его четырьмя словами, могущими означать что угодно.

Глядя на огонь, он предался воспоминаниям о том, как Джорджиана, бывало, гримасничала, глядя на него поверх спинки скамьи, сидя на своей половине в церкви, в то время как взрослые подремывали под монотонную проповедь. Как она потирала ухо в день, когда Бранделл отвесил ей затрещину за проникновение на территорию поместья Эшенден, и отказывалась уходить, пока не поймает своего пса, который пролез под изгородью. Она подначивала Эдмунда ка-

рабкаться на каждое имеющееся в поместье дерево. Требовала, чтобы он научил ее фехтовать и боксировать...

Эшенден улыбнулся помимо воли, вспомнив ее негодование от того, что его длинные руки всегда удерживали ее кулачки на расстоянии, не давая причинить ему ни малейшего вреда. То, как неистово она атаковала его всякий раз, как он пробовал наступать, пока наконец не научилась держать оборону.

Его улыбка померкла. Он повернулся спиной к огню. Неприятная правда состоит в том, что все его хорошие воспоминания о детстве связаны с Джорджианой, которая была не просто его лучшим другом, но и единственным к тому же. Его мать не желала, чтобы он водился с деревенскими ребятами, и не считала его здоровье достаточно крепким, чтобы отправить учиться в школу. А отец, которому было все равно, не вмешивался. Он слишком редко приезжал в Фонтеней-Корт, а когда это все же случалось, едва удостоившись взглядом своего единственного выжившего отпрыска и, побыв немного, спешил вернуться обратно в Лондон, чтобы приятно проводить время на скачках или очередном приеме.

Подойдя к письменному столу, Эдмунд сел и, сплетя пальцы поверх книги записей, мыслями унесся в ту зиму, когда едва не умер. По крайней мере, именно такой версии развития событий придерживалась его мать, которая не просто не выпускала его из дому, но даже заставляла соблюдать постельный режим. Мать приходила проверять его каждое утро

и, заламывая руки, разражалась очередной обличительной речью в адрес отца:

«Ему и дела нет до того, что наследник угасает день ото дня! Он не дает себе труда даже ответить на мое письмо, не говоря уж о том, чтобы оторваться от очередной любовницы!»

Эдмунд вздохнул с содроганием. Отец не приехал проведать его даже тогда, когда мать сообщила, что единственный сын и наследник балансирует на грани жизни и смерти. Однако неверно было бы утверждать, что одержимость матери любой ценой сохранить ему жизнь проистекала от большой любви. Просто ей была невыносима мысль об исполнении супружеского долга с мужчиной, которого ненавидит всем сердцем. Она сама сболтнула это, разразившись однажды очередной напыщенной тирадой об отцовских прегрешениях, забыв, очевидно, что ее слушателем является как раз плод того самого ненавистного ей долга.

Никому не было дела до него самого как человека, а не того, что он собой представляет.

До тех пор, пока не появилась Джорджиана. Она единственная не подчинилась налагаемому его матерью запрету на посетителей. Она взбиралась по водосточной трубе на углу дома и осторожно пробиралась по крошащейся кирпичной кладке к его окну.

Последний раз она проделала этот трюк той давней весной с полудюжиной банок из-под варенья, висящих у нее на

шее. В банках находились бабочки, которых она целый день ловила. Для него.

– Я хотела принести тебе что-то для поднятия настроения, – объявила она со своей обычной проказливой усмешкой, пока он втягивал ее в комнату через подоконник. – Паршиво, наверное, сидеть взаперти, когда все вокруг возрождается к жизни.

Она и сама бурлила жизнью. В венчающей ее голову густой шапке черных кудряшек запутались ветки, нос обгорел на солнце, а руки и ноги пестрели царапинами и крапивными ожогами.

– Я знаю, что ты интересуешься всякими насекомыми, – сказала она, и ее темные глаза сделались серьезными. – Вот и решила принести тебе несколько жуков для пополнения коллекции. Потом подумала, что наверняка поймаю не тех. Таких, какие у тебя уже есть. Я решила, что бабочки будут уместнее всего. Они куда жизнерадостнее, правда же? – Схватив Эдмунда за руку, она увлекла его к кровати.

Он мрачно подумал, что, должно быть, в тот момент в нее и влюбился. Потому что считал, что она – единственный человек на всем белом свете, кому есть до него дело и который по-настоящему его понимает.

– Опустит полог, – скомандовала она, забираясь на кровать и снимая с шеи тесемки, которыми были связаны банки.

И он повиновался, послушный, точно ягненок. Он тогда делал все, что бы она ни попросила. Все, что угодно.

– Устрою для тебя представление! – С этими словами она встряхнула банки. В тот же миг в воздух взлетели дюжины и дюжины бабочек, медных, синих, белых и оранжевых, превращая сумрачное пространство под пологом в волшебный мир.

Эдмунд со вздохом опустил голову. Он обязан узнать, что ей от него нужно. Несмотря на то, что она для него больше не существует – кроме как в воспоминаниях. Хотя ему совершенно не нравилась женщина, в которую она превратилась, это не умаляло факта, что он дал ей слово.

– Если ты когда-нибудь будешь в чем-то нуждаться, Джорджи, – поклялся он с пылом, на какой только способен юноша в шестнадцать лет, – то достаточно просто попросить меня, поняла? Это сейчас я почти ничего не могу для тебя сделать, но однажды я стану графом Эшенденом и обрету могущество. Тогда я добуду для тебя все, чего бы ты ни пожелала.

Джорджиана рассмеялась, заставив его залиться жарким румянцем. К счастью, под опущенным пологом было темно, и она ничего не заметила.

– Просто будь моим другом, Эдмунд. Это все, в чем я нуждаюсь.

– Конечно, непременно, – выдохнул он. – Всегда.

Он резко поднялся из-за стола и, сохраняя угрюмое выражение лица, прошагал к двери, напоминая себе, что теперь он граф Эшенден. Поэтому его приход в условное место на встрече с Джорджианой вовсе не будет означать, что он сно-

ва превратился в слабохарактерного зеленого юнца, глупца, готового на что угодно ради ее лучезарной улыбки. Он давно уже невосприимчив к женским чарам, поэтому встреча с Джорджианой ничем ему не грозит. Напротив, это ей следует остерегаться. Если она хочет получить от него помощь, придется сперва ответить на несколько вопросов.

Он замер, положив ладонь на дверную ручку. Нахмурился. В действительности, допрос о событиях десятилетней давности станет равносильным признанию, что ему есть дело до вышеупомянутых событий. Что он до сих пор испытывает боль. Но ведь, в сущности, это дело чести. Джорджиана, наконец, просит его оплатить долг, и, как только он сделает то, что она хочет, они будут квиты.

И он освободится от нее.

Где же он? Джорджиана вышагивала по берегу ручья, перекинув через руку длинный шлейф своей лососево-розовой амазонки и разочарованно рассекая заросли сухого тростника кнутиком для верховой езды. Четыре дня минуло с тех пор, как она тайком подсунула записку в стопку писем, ожидающую отправки из отделения в Бартлшэме. С тех пор каждое утро на рассвете она приходит сюда, к их ручью.

Он должен был уже прочесть ее послание!

Вот ей и ответ: он не придет.

Какая же она идиотка! Когда наконец согласится с тем, что мачеха была права? Мужчины вроде лорда Эшендена не

заводят друзей среди людей ее класса. Не говоря уж о женщинах ее класса. Будучи мальчиком, он всего лишь терпел ее за неимением иных товарищей для игр.

Джорджиана опустилась на бревно, их бревно, на котором они просиживали множество часов, удя форель и разговаривая. Точнее, он удил рыбу, мрачно подумала она, а сама она трещала без умолку, точно сорока. Он слушал ее – или делал вид, что слушает, – не сводя глаз с удочки. Подперев кулаком подбородок, Джорджиана уставилась невидящим взглядом на гальку на дне ручья, делавшую это место особенно хорошим для форели. Утомляла ли Эдмунда ее глупая болтовня? Он никогда не делился своими мыслями. За исключением их последнего дня вместе. Он пообещал, что, когда они вырастут и он станет графом, по-прежнему останется ее другом.

Она вздохнула. Незачем ждать, когда часы на конюшне начнут отбивать время, как она делала в прошлые утра. Или вслушиваться в последние затихающие отзвуки, отчаянно цепляясь за обрывки надежды, что Эдмунду можно доверять, хотя все свидетельствует об обратном. Он не придет. Ей следует признать поражение.

Да и с какой стати ему с ней дружить, когда даже собственная семья в ней разочаровалась? Раз уж самые близкие люди не считают, что она достаточно хороша, и потому постоянно заставляют меняться, то он и подавно.

Что ж, так тому и быть. Пора ей перестать цепляться за

нелепые мечтания о том, что в мире есть хоть один человек, который сдержит данное ей слово. Единственное, что она хорошо усвоила, – это то, что не может ни на кого рассчитывать.

Джорджиана поднималась на ноги, когда услышала собачий лай. Мысленно убеждая себя, что это вовсе не означает приближение Эдмунда, она все же обернулась и увидела его, шагающего по тропинке – если это в самом деле был он – так быстро, что она едва не лишилась равновесия.

Пытаясь предотвратить падение в ручей, она замахала руками и угодила левой ногой прямоком в грязь у кромки воды. Бормоча себе под нос неподобающие леди ругательства, она попыталась высвободиться из чавкающей жижи, не лишившись при этом ботинка. Как это на нее похоже! Приложила огромные усилия на приведение в порядок своего внешнего вида, и теперь тот, кто к ней приближается, застанет ее либо балансирующей на одной ноге со второй – босой – в воздухе и увязшем в грязи башмаком, либо, что еще более вероятно, лежащей на спине в камышах.

Едва ей удалось высвободить ногу из грязи, не лишившись ботинка, как появился пес. Он быстро сбежал по склону к берегу ручья и принялся кружить у ног Джорджианы, приветственно виляя не только хвостом, но и всей задней частью тела.

– Лев? – Она нагнулась, чтобы потрепать старого спаниеля за уши. Раз это действительно Лев, то и Эдмунд не заста-

вит себя долго ждать. Выпрямившись, она увидела мужчину, неторопливо шагающего по ведущей от озера тропинке. Его сапоги сияли в тусклом утреннем свете, полы сюртука развевались по ветру при ходьбе, являя взору притягательное зрелище – безукоризненно скроенный жилет и белоснежный шейный платок. Светло-русые волосы были так коротко подстрижены, что ни единая прядь не выбивалась из-под шляпы.

Глаза его были скрыты за стеклами очков, отражающих свет. Должно быть, он надел их специально, чтобы возвести между ними барьер. Будто ей требуется напоминание о разделяющей их бездонной пропасти! Потому что ни по какой иной причине очки Эдмунду на территории собственного поместья не требуются.

Если только с тех пор, как они последний раз разговаривали друг с другом, его зрение катастрофически не ухудшилось.

Лорд Эшенден остановился и окинул Джорджиану холодным, властным взглядом, предназначенным для того, чтобы указывать подданным на их место. Взглядом, вызывающим желание присесть в реверансе и, смиренно принеся извинения, поспешить вернуться домой. Взглядом, заставившим остро осознать свой неприглядный вид: растрепавшиеся волосы, испачканный ботинок и перчатки, заношенные чуть не до дыр.

– Поверить не могу, что ты заставил бедного старину Льва проделать столь долгий путь пешком! – воскликнула она за

неимением другого оружия против него.

– Я и не заставлял, – ответил он. – До ольшаника мы доехали в экипаже.

– Ты прибыл сюда в экипаже? – Чтобы преодолеть расстояние в какую-то милю? И это при целой конюшне превосходных лошадей? Настал черед Джорджианы смотреть на него с презрением.

Голова Эдмунда дернулась назад, как если бы он услышал ее мысли.

– Решил, что Льву будет приятно повидаться с тобой, – сказал он, слегка выделив голосом имя спаниеля, точно намекая, что только псу встреча с ней и была в радость. – Бегать на такие дальние дистанции в его возрасте уже не по силам. Зато ему очень нравится ездить со мной в открытом экипаже.

Будто в подтверждение справедливости слов хозяина, Лев лег на спину, приглашая Джорджиану почесать ему живот, и она с готовностью склонилась к нему. Это дало ей возможность спрятать от Эдмунда лицо, пылающее от его замечания. Ей едва верилось, что его мнение до сих пор способно ранить ее. Особенно после многих случаев, когда он притворялся, что не замечает ее, стоящую прямо у него под носом. Ей давно пора научиться не обращать внимания на его презрение.

– Ты хочешь попросить меня о чем-то конкретном? – осведомился он скучающим голосом. – Или мне забрать со-

баку и вернуться в Фонтеней-Корт?

– Тебе отлично известно, что мне нужно попросить тебя кое о чем чрезвычайно важном, – парировала она и выпрямилась, с трудом сохраняя спокойный тон. – В противном случае не отправила бы тебе записку.

– Собираешься ли ты поведать мне о своем деле в обозримом будущем? – Он вынул часы из жилетного кармана и посмотрел, который час. – Меня ждет масса важных дел.

Джорджиана резко втянула носом воздух.

– Прошу прощения, милорд, – произнесла она, приседая перед ним в реверансе, настолько безукоризненно исполненном, насколько позволял путающийся под ногами пес и все еще перекинутый через руку шлейф амазонки. – Благодарю за то, что уделил мне несколько минут своего драгоценного времени, – процедила она сквозь зубы.

– Не стоит благодарности. – Он сделал грациозный, плавный жест рукой, говорящий: положение обязывает. – Однако буду признателен, если ты изложишь свое дело быстро.

Быстро? Быстро! Джорджиана четыре дня прождала его появления, четыре дня по его милости сгорала в огне неизвестности, а теперь, когда Эдмунд наконец здесь, он говорит, что желает как можно скорее завершить их встречу и вернуться в свой привычный мир. В свой ханжеский дом, к ханжеским слугам и ханжескому стилю жизни!

Ей снова захотелось вывести его из отталкивающего, высокомерного, самодовольного состояния, с каким он взирал

на всех вокруг. Заставить его ощутить подлинные человеческие эмоции. Все равно какие.

– Очень хорошо. – Она скажет то, ради чего явилась сюда, без всяких предисловий. Доставив себе удовольствие шокировать его. – Видишь ли, я хочу, чтобы ты на мне женился.

Глава 2

Граф Эшенден вынул из кармана шелковый носовой платок, снял очки и принялся протирать линзы.

Он всегда так делал, когда старался выиграть время, чтобы взвесить свой ответ. Джорджиане удалось поразить его настолько, что он лишился дара речи. Он, Эдмунд Фонтеней. Человек, у которого всегда наготове умное замечание.

– Я, конечно, польщен твоим предложением, – проговорил он наконец, водружая очки обрат но на нос, – но, должен заметить, все же чуточку удивлен. Не соизволишь ли объяснить, с чего это тебе внезапно захотелось стать... – он выдержал паузу, и его обращенный на нее взгляд сделался холоднее обычного, – графиней Эшенден?

Джорджиана резко вскинула руку.

– Мне вовсе не хочется становиться графиней Эшенден. Все совсем не так!

– Разве нет? – Он вздернул бровь, точно сомневаясь в сказанном ею, но все же любезно предоставил ей шанс высказаться.

– Конечно нет. Я отлично понимаю, что меньше кого бы то ни было гожусь на эту роль.

По крайней мере, именно так сказала бы его мать. И ее собственная мачеха постоянно твердит то же самое. Что бесполезно пытаться поймать его в свои сети – даже будь она

из тех девушек, кто может позволить себе подобное поведение, – поскольку следующая графиня Эшенден будет иметь вес не только в графстве, но и во всей стране, а Джорджиана ничему подобному не обучена. Не говоря уже о неподходящем характере.

– Вообще-то, было бы куда лучше, будь ты не графом, а просто... моим соседом. – К несчастью, он именно граф. А вот соседом уже несколько лет как не был, поскольку приезжал в Бартлшэм очень и очень редко, проводя время в Лондоне со своими новыми образованными друзьями. Настоящие соседи Джорджианы гадали, не будет ли новый граф, подобно его отцу, появляться в своем родовом гнезде для того лишь, чтобы воротить от него нос. – Эх, что толку сожалеть? Мне следовало бы догадаться, что я попусту потрачу время.

– Следовало бы, – согласился Эдмунд.

– Ну, не все же такие умные, как ты, – парировала она. – Некоторые по-прежнему совершают глупости, надеясь, что их не оставят в беде. Можешь также добавить, что некоторых жизнь ничему не учит.

– Некоторые, – проговорил он, медленно приближаясь к Джорджиане, – с куда большей охотой помогли бы... попавшему в затруднительное положение соседу, если бы тот соблаговолил четко объяснить ситуацию, не разбрасываясь эмоциональными обвинениями направо и налево. Если, например, ты не заинтересована сделаться графиней, почему попросила меня жениться на тебе?

Так близко он не стоял к ней с тех пор, как они были детьми, и Джорджиана отчетливо различала синие крапинки на его радужках, отчего глаза уже не казались выточенными из кусочков льда. Она могла поклясться, что видит в них скрытый интерес, а не холодное равнодушие, даже ощущает исходящее от его тела тепло.

У нее возникло совершенно неуместное желание протянуть руку и, хлопнув его по плечу, как при игре в салки, броситься бежать под укрытие деревьев. Вот только, разумеется, он не станет ее догонять, а лишь озадаченно нахмурится или наморщит свой аристократический нос в ответ на такую нелепую выходку и укоризненно покачает головой. Так обычно отец поступал всякий раз, как Джорджиана совершала неподобающий леди поступок – по мнению мачехи.

Тут Лев зевнул, заставив ее обратить на себя внимание. Она опустила глаза, отгоняя навязчивое желание вернуться в те беззаботные деньки, когда они с Эдмундом были товарищами по играм. На мгновение ей даже показалось, что он посмотрел на нее так, как раньше, когда она была ему небезразлична.

Но болезненная правда заключалась в том, что ему никогда не было до нее дела. Никому никогда не было до нее дела.

Похоже, однако, что ей все же удалось разжечь его любопытство.

Она украдкой бросила на него взгляд из-под полуопущенных ресниц. Он внимательно рассматривал ее, склонив голо-

ву набок, как обычно поступал, столкнувшись с некой трудностью. Сердце ее забило быстрее. Она задумалась, стоит ли подробно объяснить Эдмунду, зачем сделала свое вопиющее предложение.

– Послушай, тебе, конечно, известно, что мой отец умер прошлым летом... – начала она.

Он поморщился.

– Да. Я собирался принести соболезнования, но... Джорджиана качнула головой, прерывая его. С соболезнованиями он сильно припозднился, да и ей невыносимо говорить об этом печальном событии. Плохо уже то, что она стала сплошным разочарованием для грубовато-добродушного человека, которого обожала. Что его последними обращенными к ней словами была настоятельная просьба уподобиться Сьюки, ее сводной сестре.

– Незачем ворошить прошлое, – сказала она, гордая тем, что лишь едва заметная заминка в голосе выдала, как многократно усилило ее горе отсутствие Эдмунда и его молчание. Глупо с ее стороны, учитывая, что они уже несколько лет не разговаривают.

– Дело в том, – продолжила она, – что теперь, когда наш траур закончился, мачеха объявила о своем решении везти нас со Сьюки в Лондон искать мужей.

– И?

Нетерпение, граничащее с раздражением, которое ему удалось вложить в столь короткое слово, ранило Джорджиана.

ну куда большее укола рапирой.

– Я не хочу ехать! Не желаю фланировать перед толпой мужчин, которые будут окидывать меня оценивающими взглядами, точно призывую телку на рынке.

Она болезненно осознавала, что именно скажут о ней все эти лондонские щеголи. Поднимут на смех, без сомнения, и станут воротить от нее нос. Джорджиана не верила, что может настолько понравиться мужчине, чтобы он предложил ей соединить судьбы.

– Не хочу принимать предложение какого-нибудь ужасного мужчины, – продолжила она, – который, скорее всего, будет не в своем уме. Потому что как, кроме умственного помешательства, можно объяснить желание жениться на женщине, отчаянно сопротивляющейся превращению в леди... Вероятно, этот мужлан увезет меня одному богу известно куда.

На Гебридские острова, ни больше ни меньше. Где не с кем будет словом перемолвиться. Потому что там никто не живет, на этих далеких островах. И женщин там тоже нет. Именно по этой причине дикие, заросшие волосами шотландцы и отправляются на поиски невесты в Лондон. Таким и Джорджиана покажется подходящей – поскольку они никогда не знали лучшего.

– Тебе может повстречаться мужчина, который совсем не будет ужасным, – ответил Эдмунд бесцветным тоном, разрушившим ее сокровенные безумные мечтания. – Возможно,

ты отыщешь родственную душу.

Джорджиана глубоко вздохнула и мысленно сосчитала до пяти.

– Кем бы он ни был, он увезет меня куда-нибудь... – В отдаленное место, где некому будет порицать его странный выбор. Или населенное людьми настолько странными и дикими, что за своими недостатками не будут замечать ее собственных.

– Есть и другой выход. В таком случае тебе всего-то и нужно сделать, что отклонить все предложения, – снисходительно объявил Эдмунд, – вернуться в Бартлшэм и доживать дни старой девой.

Старой девой! Как ненавистно ей это слово! Девственница звучит куда лучше. Девственница чиста и неиспорченна, в то время как старая дева являет собой... высохшую оболочку, в которой некогда теплилась жизнь.

– Если бы ты провел здесь хоть какое-то время после того, как умер мой отец, не делал бы таких глупых заявлений. Наше поместье унаследовал зануда кузен, он позволил нам прожить дома только один год – до окончания траура. Уехав в Лондон, мы не сможем вернуться. Остается или выйти замуж за незнакомца, или...

О нет. У нее на глаза навернулись слезы, а ведь она дала себе слово, что не будет плакать. Только не перед Эдмундом. Она отвернулась и несколько раз полоснула по камышам кнутиком для верховой езды, чтобы успокоиться. По-

том выпрямила спину и снова повернулась к Эдмунду.

– Послушай, я, конечно, не ценный приз на ярмарке невест, – продолжила она голосом, который почти не дрожал, – я не наследница, и титула у меня нет, но я не буду вмешиваться в твою жизнь, как обычно поступают жены. Можешь оставить меня здесь сразу после свадьбы и вернуться в Лондон. Я не стала бы даже отнимать у твоей матери права ведения домашнего хозяйства и не расстраивала бы ее, пытаясь перещеголять на местных праздниках. – Джорджиана при всем желании не смогла бы этого сделать, поскольку просто не знает как. Но и позорить Эдмунда, шатаясь по землям графства, точно сорванец, как поступала в прошлом, она бы тоже не стала, ведь с тех пор набралась ума-разума. – Я буду держаться от всех подальше, клянусь!

Он смотрел на нее, кажется, целую вечность, но она так и не смогла понять, о чем он думает. Должно быть, ни о чем хорошем, поскольку выражение его лица снова сделалось жестким.

– Незачем глядеть на меня своими большими карими глазами, – наконец проговорил он, – как обычно делает Лев, выпрашивая лакомство. Я не смягчусь.

– Верно. Никто не знает этого лучше меня, – с горечью добавила она.

– Что лишь подтверждает твою непригодность на роль моей жены. В Лондон ты со мной не поедешь, тут хозяйство вести не сможешь, оставь я тебя одну. Что же в таком случае

ты предлагаешь? Что я буду иметь от этого нелепого брака, который ты хочешь со мной заключить?

– Ну... я не... я имею в виду... – Она сглотнула. Вздернула подбородок. И заставила себя сказать: – Не знаю, помнишь ли, но ты пообещал – в самом деле пообещал, – что, когда вырастешь, сделаешь все от тебя зависящее, чтобы помочь, если мне потребуется друг. А сейчас друг требуется мне как никогда...

– Я дал тебе обещание, будучи совсем мальчишкой, – обронил он, кривя губы. – Неискушенным юнцом. Я и подумать не мог, что ты потребуешь сделать тебя моей графиней!

Джорджиана глубоко и мучительно вздохнула. Вот... вот же... скотина! Неужели не понимает, чего ей стоило пробить многолетнюю стену отчуждения и написать ему, умоляя о встрече? Неужто не видит, в каком она отчаянии, раз, поправ все правила приличия, просит его жениться на ней?

– Ничего я не требую, – запротестовала она. – Просто надеялась... – Она покачала головой. Беда с ней, с этой надеждой! Она способна ненадолго приободрить, но потом ее отнимают, оставляя лишь зияющую рваную рану. – Глупо было ожидать, что ты сдержишь свое слово. Следовало догадаться, что ты изыщешь способ увильнуть.

Ноздри Эдмунда затрепетали, когда он резко втянул в себя воздух.

– Не смей обвинять меня в том, что я не сдержал обещание, Джорджи. Или что пытаюсь от чего-то увильнуть...

– Ты сам только что сказал, что не женишься на мне. Что не пошевелишь и пальцем, чтобы помочь.

Она развернулась, намереваясь уйти, но он бросился вперед и схватил ее за плечо.

– Ничего подобного я не говорил, – прорычал он. – Просто ты не предложила мне ничего, заставившего бы обдумать твое... предложение.

Сердце ее екнуло в груди. Было что-то в его обращенном на нее взгляде, что заставляло чувствовать себя... слабой. Вызывало... внутреннюю дрожь.

– Ч-что бы это могло быть?

– Наследники, – ответил он. – Единственная причина, по которой я когда-либо женюсь – на любой женщине, – заключается в исполнении долга обзавестись наследниками, которые примут на себя мои обязанности, когда меня не станет.

– Но это же означает...

Перед ее мысленным взором промелькнуло видение того, как делаются дети. Ей до сих пор становилось плохо при воспоминании о дне, когда она вошла на конюшню и увидела кучера Уилкинза лежащим лицом вниз на куче тряпья. Спустив бриджи до лодыжек, он энергично двигал бедрами. Потом Джорджиана рассмотрела пару разведенных женских ног, гротескно торчащих по сторонам его волосатых ягодиц. Несколькими месяцами позднее она узнала, что ноги эти принадлежат одной из их горничных. Подсмотренный эпизод оставил неприятный привкус, ведь, как бы горько де-

вушка ни рыдала, мачеха настояла на том, чтобы выгнать ее, потому что та якобы подает плохой пример живущим в доме девочкам.

Когда Эдмунд со злостью оттолкнул ее от себя, на лице Джорджианы отчетливо отразилось омерзение.

– Неужели ты в самом деле решила, что я соглашусь на фиктивный брак?

Должно быть, лицо снова выдало ее мысли, потому что он поморщился.

– Великий боже, и правда! – Он резко отвернулся от нее, и полы его сюртука полоснули воздух, точно он летел на крыльях урагана. – Что я за человек, по-твоему? – Он принялся разгневанно расхаживать вперед и назад. – Ты поверила глупостям, которые наговаривают на меня сельские кумушки? Что я ненастоящий мужчина, поскольку предпочитаю наблюдать за живыми существами, а не гоняться за ними по всему графству? Что у меня в жилах вместо горячей красной крови чернила? Именно за такого мужчину ты и хочешь выйти замуж, не так ли?

– Да! – вскричала она. – Потому что смогу вытерпеть брак только с таким человеком. Тем, который позволит мне быть женой лишь на бумаге.

Эдмунд резко шагнул к ней и схватил за плечи.

– Когда я женюсь, фиктивным мой брак точно не будет. Я хочу наследников, причем нескольких. Я, черт подери, не собираюсь произвести на свет всего одного сына и продол-

жить жить так, будто его и вовсе не существует.

Джорджиана отлично понимала, почему он так говорит. Он сам был очень одиноким ребенком и не хотел, чтобы та же участь постигла его отпрыска.

– Кроме того, моя жена займет приличествующее ей положение в обществе, а не будет отсиживаться в стороне. Она должна быть достаточно сильной, чтобы стоять подле меня, образно выражаясь, с мечом наголо, а не прятаться за моей спиной из опасения кого-то обеспокоить или расстроить.

С этими словами он оттолкнул ее от себя, будто запятнав руки прикосновением к ней.

– Д-да, понимаю, – запинаясь, промямлила она. Опять она не соответствует ожиданиям. Ни как дочь, ни как возможная жена, ни как женщина вообще. – О боже, – захныкала она, чувствуя, что последняя надежда утекает сквозь пальцы. – Ты заставишь меня пройти через все это, не так ли?

Мне придется отправиться в Лондон и подвергнуть себя позору, потому что... – Она замолчала, не решившись озвучить страхи о том, что ни один здравомыслящий мужчина не захочет взять ее в жены.

– Я ничего не заставляю тебя делать. Вся эта история не имеет ко мне ровным счетом никакого отношения, – сказал Эдмунд, энергично разрубая рукой воздух.

Этими словами он ранил Джорджиану в самое сердце. То было последнее подтверждение, что он изменился до неузнаваемости. Или ее воспоминания о нем претерпели значи-

тельные изменения, поскольку она принимала желаемое за действительное.

– Мне следовало догадаться, что ты так себя поведешь. С глаз долой – из сердца вон, так, кажется, говорят? Тебе есть дело только до того, что у тебя под носом.

У него на скуле дернулась жилка.

– Ты нарочно искажаешь смысл моих слов.

– Ничего подобного. Лишь хочу заставить тебя понять, как ты со мной поступаешь! Из-за того что ты отказываешься помочь мне, какой-то незнакомый мужчина получит права на мое тело. Он станет лапать меня и... заберется на меня... и... и мне придется все это терпеть. – Рвотный позыв скрутил ей желудок. – Боже, как же я страдаю, что родилась женщиной! – воскликнула она, крепко прижимая руку к животу, чтобы унять тошноту.

– Джорджи, – ахнул Эдмунд, шокированный столь точным описанием того, что ожидает ее в браке. – Послушай меня...

– Нет. Не желаю выслушивать очередную порцию глупых банальностей. Единственное, что я хочу услышать из твоих уст, – это согласие жениться на мне. Так что? Возьмешь меня в жены?

Выражение его лица сказало ей все, что она хотела знать.

– Нет, не возьмешь... Что ж, в таком случае не буду больше тратить твое драгоценное время, – сказала она, проводя ладонью по лицу, чтобы стереть единственную появившуюся

ся слезинку, и, наклонившись, погладила Льва на прощание. Потом развернулась и побрела прочь от ручья.

Эдмунд не пытался ее остановить.

– Ну, Лев, что скажешь?

Усталый спаниель со вздохом шлепнулся на коврик у камина и закрыл глаза. Пес не отреагировал, даже когда Эдмунд слегка подтолкнул его мыском сапога.

– Советчик из тебя никудышный, – заключил Эдмунд, глядя на своего почти бесчувственного любимца. – Ты единственный человек – существо, я имею в виду, – который знает ее так же хорошо, как я сам, поскольку участвовал во многих наших проделках. Неужели у тебя не найдется для меня никакого полезного совета?

Разумеется, Лев ничего ему не посоветовал. Он же всего лишь пес. Эдмунд с ужасом обнаружил, что в самом деле разговаривает с собакой, вместо того чтобы пригласить Джорджиану цивилизованно все обсудить.

Но как ему вести с ней цивилизованное обсуждение, когда чувствует себя так, будто его весь день избивали самым жесточайшим образом?

Сначала записка от нее рассердила его, вытянув на свет божий целый сонм застарелых обид, погребенных под спудом многих лет рьяного отрицания.

Новая встреча с Джорджианой поразила его до глубины души. Она стояла на том самом месте, которое в детстве

представлялось ему подлинным оазисом, одетая в плотно облегающую ярко-розовую амазонку, точно маяк сияющую на фоне стены сухих камышей. Его тело немедленно отреагировало, устремилось к ней. Он чувствовал себя почти так же, как когда принимал участие в экспериментах по гальванизму. Непроизвольное сокращение мышц, не имеющее ничего общего ни с мозгом, ни с интеллектом.

Потом Джорджиана обескуражила его своим неожиданным предложением. Что еще более поразительно, на какую-то долю секунды он в самом деле задумался о возможности брака с ней. Хоть и счел, что ее предложение является лишь следствием амбициозного желания сделаться графиней.

Эдмунд разозлился в два раза сильнее, когда она объяснила, что выбрала его преимущественно потому, что, по ее мнению, он не захочет исполнять свой супружеский долг. Лучше бы сразу плюнула ему в лицо. Эдмунд, в свою очередь, высказал ей, чего он ожидает от брака. Слова лились из него, точно из пробоины в плотине, хотя прежде он ни о чем подобном даже не помышлял.

Шагнув к пристенному столику, он снял крышку с графина.

Теперь Эдмунду с трудом верилось, что в порыве гнева он схватил Джорджиану за плечи. За плечи! Получается, он стоял так близко к ней, что, вдыхая, ощущал запах ее тела. Плечи у нее оказались женственно-мягкими.

Качнув головой, он плеснул себе щедрую порцию бренди. Если бы не самоконтроль, практикуемый долгие годы, повалил бы ее на землю прямо там, у ручья, и доказал, что вовсе не лишен здорового плотского аппетита. А какой мужчина не отреагировал бы схожим образом на подобные оскорбительные замечания?

Одним глотком осушив половину содержимого стакана, он со стуком поставил его обратно на столик.

С какой стати Джорджиана решила, что половой акт – омерзительное действие, унижительное для женщины? Хотя это объясняет, почему она так жаждет фиктивного брака, который, как ей казалось, он сможет ей обеспечить.

Поспешно отвернувшись от пристенного столика, Эдмунд подошел к окну. С какой стати он пьет бренди посреди белого дня? Пяти минут в ее обществе оказалось достаточно, чтобы у него появилось желание выпить.

И все же...

Она обратилась к нему, практически умоляя о помощи, хоть попутно и оскорбила своим предложением.

Упершись руками в подоконник, он устремил взгляд в окно, в сторону ручья. Сохрани он спокойствие и рационализм, вышел бы из этой встречи победителем. А вместо этого...

Перед его мысленным взором промелькнуло ее лицо, совсем юное, румяное, искрящееся смехом, когда она висела вниз головой, зацепившись ногами за ветку дерева.

– Мне все еще недостает ее, Лев, – прошептал он, пора-

женчески опуская голову. – Что случилось с девчонкой, которая ничего и никого не боялась? Куда она подевалась? Как превратилась в нынешнюю женщину?

Еще более важно: что ему теперь со всем этим делать?

Глава 3

Ничего. Ничего он не станет делать. Во всяком случае, пока вновь не обретет способность трезво мыслить. Еще будучи маленьким мальчиком, он усвоил преподанный матерью урок о том, что любые сильные эмоциональные вспышки – из жалости, чувства вины или осознания долга – приводят к поступкам, которые впоследствии можно объяснить только ошибочностью суждений.

Хоть Эдмунд и напоминал себе непрестанно, что нужно подумать о куда более важных вещах, вопиющее предложение Джорджианы и его собственная постыдная реакция вытесняли прочь все остальные мысли.

И даже мешали заниматься делами поместья.

– Мне дела нет до того, что говорит моя мать, – услышал он собственный голос, подкрепленный ударом кулака по столу, чем шокировал и себя самого, и своего управляющего Роулэндса. – Я граф Эшенден, и я распоряджусь поместьем и прочим имуществом. Если я пожелаю... засадить весь заливной луг ананасами, она мне и слова поперек не посмеет сказать. Мое слово – закон. Или должно таковым быть.

– Да, милорд.

– Почему в таком случае вы упорно продолжаете приходить ко мне с докладом, что работа не выполнена, потому что графиня этого не одобрила бы? Не желаю больше слы-

шать эту отговорку, – сказал Эдмунд, поднимаясь на ноги, и, наклонившись вперед, уперся ладонями в крышку письменного стола. – Ясно вам?

Он впервые вышел из себя в присутствии своего подчиненного. Накричал на человека, который не может позволить себе дать отпор. Потому что устал, в этом все дело. Вчера он заснул, думая о Джорджиане, и всю ночь его преследовали сновидения о том, как ее поочередно тащат к алтарю какие-то омерзительные типы. Что еще хуже, сам Эдмунд всякий раз присутствовал при первой брачной ночи. Снова и снова Джорджиана взирала на него своими огромными карими глазами, моля о спасении, в то время как очередной грубиян срывал с нее одежду и валил на кровать. Но Эдмунд так и не пришел ей на выручку. Потому что не поручился бы, что, пытаясь спасти Джорджиану, руководствовался благородными мотивами. Возможно, на самом деле он лишь хотел занять место другого мужчины в ее постели.

Испытывая отвращение к самому себе, Эдмунд поднялся за несколько часов до времени, когда его злополучный камердинер ожидал вызова, приказал подать завтрак, но не проглотил ни кусочка и в конце концов отправился в лодочный сарай.

Чуть не час он греб вверх по реке, но, как бы ни напрягал силы, не сумел обрести ясность рассудка, обычно даруемую прогулкой на лодке.

Разозлившись, что даже здесь не может избавиться от

мыслей о Джорджиане, Эдмунд позволил течению отнести себя обратно к сараю и прошел в свой кабинет, надеясь с головой уйти в работу. Результат получился неутешительным.

– Я понимаю ваше положение, Роулендс, – добавил он, усаживаясь обратно за стол, – но прошу приводить в исполнение даже те приказы, которые графиня не одобряет. Хоть она и приезжает сюда гораздо чаще меня, и вы уже долгое время делаете все, что она велит.

Роулендс покраснел.

– Мы очень благодарны ей за то, что взяла на себя бразды правления, когда ваш батюшка потерял интерес к поместью, милорд, – заметил он.

– Да, матушка вела дела безукоризненно. Я отлично понимаю, что только благодаря ей унаследовал поместье в его нынешнем состоянии. – Ему в самом деле следовало бы испытывать к матери большую благодарность. – Но я достиг совершеннолетия и теперь сам занимаюсь делами.

– Однако ее светлость настолько привыкла поступать по-своему, что для всех было бы лучше, если бы вы сами с ней поговорили. – Лицо управляющего при этом сделалось свекольного цвета.

– Согласен с вами, – проговорил Эдмунд.

Собственно, это его обязанность – велеть матери перестать вмешиваться в ведение хозяйства. Он заставил себя продолжить обсуждение дел с беднягой Роулендсом, которому потом придется претворять в жизнь его планы пред ли-

цом властолюбивой леди Эшенден. Но он сумел лишь отчасти сосредоточиться на посадках и будущем урожае, поскольку мысленно то и дело возвращался к Джорджиане, отлично выглядевшей в своей амазонке. Вспоминал нахлынувший на него дикий, почти примитивный прилив похоти, когда он вдохнул запах ее чистого, нетронутого тела, и собственное доводящее до умопомешательства желание прямо там, на берегу ручья, доказать ей, что ничем не отличается от прочих мужчин из плоти и крови.

Неудивительно, что, надышавшись ее запахом, он так скверно спал ночью. Особенно после ее заявления, что именно на нем будет лежать вся ответственность за то, что с ней случится в Лондоне.

День клонился к закату, а Эдмунд никак не мог выбросить из головы предложение Джорджианы.

Ему не давали покоя сказанные ею слова: «С глаз долой – из сердца вон, так, кажется, говорят?» Будто обвиняя его в том, что повернулся к ней спиной. Бессмыслица какая-то! Ведь именно она не ответила ни на одно из присланных им писем. Кроме – какая ирония! – самого первого. То была записочка, которую он спрятал в щели между каменной стеной и стойкой ворот подъездной аллеи, где они обычно оставляли друг другу послания, если по какой-то причине не могли встретиться на обычном месте.

«Доктору Шоулзу удалось убедить матушку, что, чтобы дожить до совершеннолетия, мне будет полезно перебраться

в более теплый климат. Я уезжаю завтра. Буду писать тебе. И ты мне тоже пиши, пожалуйста».

Джорджиана ответила:

«Буду писать. И скучать по тебе тоже».

Скучать по нему – ха-ха!

Лакей, собирающийся убрать со стола скатерть и принести портвейн, вздрогнул, и Эдмунд понял, что, похоже, высказал последнюю мысль вслух.

И разозлился еще сильнее. Черт подери, из-за нее он даже поужинать спокойно уже не может! Он не испытывал подобного душевного смятения с тех самых пор, как отправился на южные острова. И тщетно ждал писем от Джорджианы. По истечении полугода он заставил себя принять тот факт, что она не сдержала слово. И что совсем по нему не скучает.

Доктору Шоулзу пришлось объяснить ему суть происходящего.

«Хорошо, что ты уже усвоил, как непостоянны женщины, – сказал тогда старый эскулап. – Но они и сами ничего не могут с собой поделаться. Говоря что-то, они действительно имеют это в виду, но пять минут спустя им в голову приходит другая идея, заставляя тут же позабыть первую. Или попросту передумать».

Объяснение доктора показалось Эдмунду таким разумным, что он почувствовал себя самым большим глупцом на свете. Из родительского примера ему бы следовало извлечь урок, что мужчины и женщины никогда не говорят то, что на

самом деле имеют в виду, но лишь то, что, как они надеются, поможет выпутаться из неприятностей. Именно походя нарушенное обещание Джорджи заставило его поклясться никогда не доверять ни единой живой душе настолько, чтобы сделаться уязвимым.

И он ни разу не нарушил этой клятвы – пока, повинувшись зову Джорджи, не отправился к ручью.

Эдмунд резко поднялся на ноги, взмахом руки разрешив замершему неподалеку лакею убирать со стола. Портвейн не подарит ясности мыслей. Ему нужно как следует выспаться, но едва ли это удастся сделать, когда в мыслях безраздельно царит Джорджиана.

Поэтому Эдмунд отправился в свой кабинет, сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и очинил кончик пера, как поступал всегда, готовясь решать непростую задачу. Но что ему написать, когда дело касается мисс Джорджианы Уикфорд?

«Отчего она злится?» – нацарапал он. Будто это он предал ее, а не наоборот. Что заставило ее думать подобным образом? Он ведь не по своей воле уехал, оставив ее одну. Значит, дело не в этом. Но...

Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, и тут же выявил еще одно противоречие.

Если она так зла на него, зачем предложила жениться на ней?

Это не имеет смысла.

Особенно в свете сказанного ею о том, что он изыщет способ увильнуть.

Почему у нее сложилось такое невысокое мнение о нем? – с возмущением подумал Эдмунд. Он из тех, кто всегда держит слово. Даже явился по ее зову на берег ручья, памятуя о клятве, которую дал, будучи неразумным юнцом. Невзирая на то, как она сама с ним поступила.

Он гневно пририсовал еще один вопросительный знак. И отложил бумагу в сторону. Потому что, думая о Джорджиане, он распалял свой гнев куда сильнее, чем когда пытался выбросить ее из головы.

На следующий день, работая со счетами, Эдмунд задумался о странном представлении Джорджианы касательно зимнего лондонского сезона. В следующее мгновение перед его мысленным взором промелькнул образ его самого – смятенного юнца, которого сажают в экипаж, чтобы доставить к кораблю, отплывающему на острова. Разумеется, Джорджиана сейчас так же напугана, как и он сам тогда, перед отбытием в, по ее представлениям, иной, чуждый ей мир. Эдмунд вспомнил, что рассматривал собственный отъезд как ссылку в наказание за некое преступление, которого не совершал.

Тем же страхом можно объяснить и ее нелогичное поведение, и то, что она наговорила столько глупостей. Возможно, ей просто требовалось вновь обрести уверенность. И он не испытывал бы всепоглощающего чувства вины из-за того,

что не снизошел до ее нелепой просьбы жениться на ней, если бы смог объяснить, что поездка на острова стала лучшим из всего с ним случившегося. Ну, когда перестал скорбеть из-за предательства Джорджианы...

Эдмунд решил, что именно это ему и следует теперь сделать для Джорджианы – убедить ее воспринимать лондонский сезон как шанс для себя, а не как пытку.

Потому что он не может оставить все так, как есть. Совесть ему не позволит, сколь бы сильно он ни пытался ее заглушить. Она постоянно напоминала ему о данном слове. И хотя он не мог сдержать обещание так, как требовала от него Джорджиана, придется по-другому доказать, что он не из тех людей, кто всегда изыщет способ увильнуть.

На следующее утро, идя на веслах по реке, Эдмунд выработал решение настолько идеальное, что удивился, как вышло, что он сразу не предложил его Джорджиане.

Есть мужчины, по разным причинам заинтересованные именно в таком браке, какой ей нужен. Эдмунд не видел препятствий в устройении подобного союза, если уж она так этого жаждет.

Вот. Он все же сможет сделать для нее что-то полезное. Посоветует ей поискать в Лондоне мужчину, которому в самом деле нужен брак лишь на бумаге. Возможно, даже исподволь сам наведет справки.

А когда будущее Джорджи будет устроено, к нему самому,

вероятно, вернется здоровый ночной сон.

Позднее тем же днем Эдмунд велел подать экипаж, усадил в него Льва и поехал в дом Джорджианы. Пес оказался очень полезным во время прошлой встречи с Джорджи, он способствовал рассеиванию возникающего между ними напряжения.

Ну и, кроме того, старому псу было приятно видеть Джорджиану, а ей – его. Похоже, любовь к собакам – единственное, что не изменилось в ней со временем.

Пока экипаж петлял по извилистым дорогам, Эдмунд гадал, что могло поспособствовать радикальным переменам, произошедшим с девочкой, которую он сильно любил и которая превратилась в женщину, невероятно его раздражающую. Да-да, именно раздражающую. Потому что, хоть она и выглядит как взрослая версия девочки, пленившей его в детстве, напрочь лишилась задора. Мисс Джорджиана Уикфорд сделалась холодно-отстраненной и приобрела элегантные манеры.

Будто обернулась кем-то другим в ту самую минуту, как он покинул Бартлшэм.

Есть ли связь между этими двумя событиями? Эдмунд никогда об этом не задумывался, но теперь решил, что, действительно, она изменилась именно из-за его отъезда. Скорее всего, за одну ночь.

Что ж, он и сам не остался прежним. Он больше не оби-

женный юнец, переживающий муки первой и, как ему казалось, единственной любви. Хотя, вероятно, именно так он себя и вел тогда у ручья, хватая ее за плечи, крича на нее и отправляя домой в слезах.

Теперь он рассудительный взрослый мужчина, прекрасно владеющий собой.

Который не позволит ей снова низвести себя до... того состояния.

Эдмунд окинул тюдоровский особняк внимательным взглядом, пока Бенсон останавливал экипаж перед парадным входом. Прежде он никогда не приезжал сюда с визитом. Взяв Льва на руки, он вышел из экипажа и поднялся по ступеням крыльца, печально вспоминая, что в детстве покидал поместье разве что ради воскресного похода в церковь. А став взрослым, намеренно навещал Бартлшэм как можно реже и – он поставил обутую в сапог ногу на последнюю ступеньку лестницы – даже тогда почти не выходил за пределы своих владений. В Фонтеней-Корт он задерживался ровно настолько, чтобы разобраться с неотложными делами, а потом возвращался обратно в Лондон.

Он один раз стукнул дверным молотком, и мгновение спустя дверь открыла горничная.

– Сюда, прошу вас, милорд, – сказала она, приседая перед ним в реверансе. – Мистер Уикфорд примет вас в гостиной.

Эдмунд недоуменно моргнул. По двум причинам. Во-первых, хотя он не сомневался, что никогда не видел эту женщи-

ну прежде, она, совершенно определенно, точно знает, кто он такой. Неужели его визиты действительно столь редки, что он перестал узнавать местных жителей? Джорджиана обвинила его в пренебрежении вещами, которые ему следовало бы знать.

Определенно, пришло время это исправить. В следующий приезд он уделит по крайней мере один день на общение с живущими здесь людьми. Так он сможет не только услышать местные новости, но и убедить всех, что является эффективным и результативным владельцем земель.

Во-вторых, что еще за мистер Уикфорд? Для него это имя ассоциируется исключительно с отцом Джорджианы, довольно потрепанным и помешанным на охоте сквайром Бартлшэма, у ног которого вечно вилась стая собак.

Эдмунд со Львом последовали за горничной через фойе и оказались в маленькой, залитой солнечным светом комнате, где стоял невысокий светловолосый мужчина, похожий на отца Джорджи разве что подбородком.

– Доброе утро, милорд, – проговорил он, сдергивая с одного из кресел покрывало, напоминающее портьерную ткань, и комкая его. – Как мило с вашей стороны навестить нас по-соседски. Большая честь, – добавил он, забрасывая ком ткани за диван. – И так неожиданно, смею заметить.

Для Эдмунда встреча с человеком, которого горничная назвала мистером Уикфордом, тоже стала совершеннейшей неожиданностью, но он не собирался признаваться, что во-

все не к нему приехал.

– Прошу вас, садитесь. – Мужчина указал на кресло, с которого только что сдернул покрывало. – У меня тут страшный беспорядок, – добавил он извиняющимся тоном. – Ничего не готово к встрече гостей, как сказала бы миссис Уикфорд. Но в вашем случае, разумеется... – Он намеренно оставил фразу незавершенной.

Эдмунд медленно опустился в предложенное кресло, а Лев со вздохом устроился у его ног. Эдмунд наконец сообразил, что этот человек, должно быть, кузен отца Джорджи, тот самый, кто унаследовал дом и землю.

А миссис Уикфорд, должно быть, мачеха Джорджианы.

– Наверняка она захочет от меня поскорее избавиться, – проговорил Эдмунд, обходительно улыбаясь. – Явился нежданно-негаданно, когда она занята приготовлениями к отбытию в Лондон.

– Отбытию в Лондон? – переспросил мистер Уикфорд, непонимающе глядя на него. – Что заставило вас так решить?.. А, я понял! – Он негромко хохотнул. – Вы говорите о вдове моего кузена. Они с дочерьми уже уехали в столицу, освободив дом, как только мы заселились.

Уехали? Они уехали, пока он приводил мысли в порядок? Уехали, не дав ему шанса принести Джорджиане извинения за то, как они расстались?

Эдмунд похолодел. Джорджи отправилась в столицу, полагая, что он отрекся от нее. Что ему нет никакого дела до

страхов, в которых она ему призналась, и потому он бросил ее одну с ними разбираться. И это несмотря на обещание всегда быть ей другом!

Он вовсе не пытался изыскать способ увильнуть.

И мысль о том, что именно так Джорджи о нем сейчас и думает, была ему совершенно невыносима.

Глава 4

Первым побуждением Эдмунда было немедленно встать с кресла и броситься вдогонку в Лондон. Объяснить...

Что именно?

Между тем молодой мистер Уикфорд грузно опустился в кресло напротив, не сняв с него покрывала, и положил свои мясистые руки на колени.

– Да, теперь, когда траур окончен, старшая миссис Уикфорд намерена вывезти дочь в свет. Связывает с ней большие надежды.

– В самом деле? – рассеянно отозвался Эдмунд, слушая хозяина вполуха. Куда больше его занимал вопрос, что чувствовала Джорджиана, когда этот человек со своей женой бесцеремонно выставили ее из дому спустя всего несколько часов после того, как сам он грубо отверг ее предложение.

– Буду очень удивлен, если она не добьется успеха, – говорил между тем мистер Уикфорд. – Очаровательное создание эта Сьюки.

– Сьюки?

– О, уместнее, конечно, называть ее мисс Мид, но она такая дружелюбная девушка, что с ней трудно придерживаться условностей. Совсем не то, что мисс Уикфорд, – добавил он, качая головой.

– Что именно вы хотите этим сказать? – начиная распа-

ляться, воскликнул Эдмунд.

– Ну, вы же понимаете, – отозвался мистер Уикфорд, делая неопределенный жест рукой.

– Боюсь, нет, не понимаю.

– Вы, разумеется, едва с ней знакомы, не так ли? Что ж, позвольте ограничиться замечанием, что она довольно странная и грубоватая девушка. Но едва ли с этим можно что-то поделать, принимая во внимание то, как она воспитывалась. Мать ее умерла при родах, – сообщил Уикфорд, не подозревая, что Эдмунду это отлично известно. Все же напоминание потрясло его. Не потому ли Джорджиана не желает вступать в настоящий брак? Из боязни производить на свет детей? – То было большим разочарованием для моего кузена, – продолжал бубнить мистер Уикфорд. – Он-то, понимаете, сына хотел. Ну, это вполне естественно, правда? Беда в том, что он с девчонкой своей обращался как с мальчиком, вместо того чтобы посмотреть правде в глаза.

На самом деле все было совсем не так. Отец Джорджи просто разрешал ей поступать как заблагорассудится. Стоило, однако, признать, что он поощрял любовь дочери к верховой езде и прогулкам на свежем воздухе, но совершенно определенно не пытался повлиять на формирование ее привычек. Выкажи она интерес, скажем, к куклам и нарядам, отец, Эдмунд не сомневался в этом, покупал бы ей на рынке кружева и отрезы атласа, а не новые сапоги для верховой езды и кнуттики.

– Лишь когда она достигла возраста, в котором девушке совершенно необходима мать, – проговорил мистер Уикфорд, наклоняясь вперед и заговорщически подмигивая, – кузен осознал свою ошибку. Именно поэтому он и женился во второй раз – чтобы женщина сгладила острые углы, научила падчерицу вести себя, как подобает леди. Ну а появление у Джорджианы сестры вроде Сьюки, являющей собой само воплощение женственности, стало приятным дополнением.

Вот, значит, как местные жители восприняли эту историю!

А может, так оно в самом деле и было?

Но зачем мужчине, который многие годы позволял Джорджи жить совершенной дикаркой, вдруг понадобилось перевоспитывать дочь? Если даже он и руководствовался этим соображением при повторном вступлении в брак?

– И миссис Уикфорд как раз из тех дам, кто любит сглаживать острые углы, полагаю? – уточнил Эдмунд, пытающийся нащупать свой путь.

Мистер Уикфорд негромко рассмеялся.

– Видите ли, когда кто-то упоминает о миссис Уикфорд, я всегда думаю, что речь о моей матушке. Но теперь этим именем называется также и вдова моего кузена, не говоря уж о моей собственной супруге. Мне еще предстоит к этому привыкнуть, ведь я женат всего две недели.

– Мои поздравления, – машинально и без всякого чувства отозвался Эдмунд.

Мистер Уикфорд просиял.

– Премного благодарен, милорд. Я склонен считать себя счастливым. Пока наследство не получил, о браке и мечтать не мог, не говоря уж о браке с такой женщиной, как Сильвия Дин. Пришлось попотеть, убеждая ее...

– Вот как? – Эдмунд подался вперед и приподнял бровь, поощряя собеседника к дальнейшим откровениям, хотя в действительности ему было совершенно неинтересно. Однако за последние десять минут этот говорливый болван выболтал ему куда больше о жизни Джорджи, чем сам он узнал за десять лет.

– О да, – подтвердил мистер Уикфорд, глупо ухмыляясь. – Ухаживание за ней занимало почти все мое время. Не выкажи старшая миссис Уикфорд готовности остаться здесь и лично руководить хозяйством, мне, возможно, этот трюк и не удался бы.

Эдмунд считал, что никак не отреагировал на слова собеседника, однако не удивился, услышав низкий рык Льва. Этот человек только что признался, что разрешил Джорджиане и ее мачехе пожить в, по сути, их собственном доме вовсе не из сострадания. Напротив, он действовал в личных интересах. А как только перестал в них нуждаться, быстренько от них избавился.

Тут Эдмунд отметил еще одну причину, побудившую Джорджи бежать к нему со своим вопиющим предложением. Ее не только заставляли совершить шаг, который она счита-

ла отвратительным, но и лишали всего, что ей принадлежит. Его самого она, должно быть, воспринимала как спасение – точно так же потерпевший кораблекрушение цепляется за обломки судна! Он же разозлился, накричал на нее и отверг, тем самым насыпав соли на ее и без того глубокие раны.

Джорджи не заслужила подобного обращения. Да, в прошлом она причинила ему боль, но ведь она тогда была всего лишь ребенком. Самое страшное, в чем ее можно упрекнуть, – это легкомыслие. Он готов был поклясться, что она не хотела намеренно его обидеть.

Его неприязнь к ней быстро пошла на убыль, так что с трудом верилось, что он не только принес это чувство во взрослую жизнь, но и тщательно взлелеял. Наблюдать со стороны за ее страданиями или даже усилить их стало бы наказанием, несоразмерным ее провинности.

Ругая самого себя, Эдмунд встал с кресла.

– Прошу меня извинить, – проговорил он, ощущая пробежавший по спине холодок и тяжесть в желудке, – я не могу задерживаться дольше.

– Как? Ах, боже мой! – вскричал мистер Уикфорд, также вскакивая с места. – Миссис Уикфорд очень расстроится, что не застала вас. Она ведь побежала наверх приводить себя в порядок, едва завидя из окна приближение вашего экипажа. Уверен, она с минуты на минуту появится...

– Сожалею, – неискренне проговорил Эдмунд. – Завтра я должен отправиться в Лондон по неотложному делу, поэто-

му сегодня мне предстоит много чего...

Мистер Уикфорд нервно сглотнул и, заламывая руки, бросил взгляд в сторону лестницы, но Эдмунд, больше не обращая на него внимания, уже шагал к выходу.

Прошлое Джорджианы вдруг предстало ему в новом свете, совсем не таким, как он считал. Он ни за что бы не поверил, что отец, который обычно посмеивался над нелепыми выходками дочери, повторно женился, только чтобы мачеха привела ее в божеский вид. Или, хуже того, привел в дом еще одну девочку, чтобы продемонстрировать дочери, как следует себя вести. Джорджи, наверное, чувствовала себя опустошенной.

Шагая по дорожке с поспешающим по пятам Львом, Эдмунд хмурился. Когда отец Джорджи женился второй раз, ей, несомненно, больше, чем когда-либо, хотелось написать ему, но узнал он эту новость из письма своей матери. Матери, которая, невзирая на все свои недостатки, поддерживала с ним регулярную переписку. Тогда он непременно обвинил бы Джорджи в отсутствии постоянства, но теперь...

Она была сломлена. А так как он находился в отъезде, ей не к кому было обратиться. Потому что, обдумывая сейчас события прошлого, он мог с уверенностью заявить, что она была не только его единственным другом, но и, поскольку проводила с ним так много времени, у нее самой других знакомых не осталось.

Так почему же она не обратилась к нему?

Почему не прибежала в одно из его редких посещений Бартлшэма, вместо того чтобы выскакивать из магазина, забыв покупки, стоило ему лишь переступить порог?

Ее поведение озадачивало его с тех пор, как вернулся. Он по-прежнему чувствовал себя уязвленным принятым ею решением не писать ему, но был решительно настроен смириться с существующим положением дел и, по крайней мере, выказывать ей учтивость. Однако в первое же воскресенье его пребывания в Бартлшэме Джорджи не ответила на кивок, которым он великодушно приветствовал ее, сидя через проход в церкви Святого Бартоломы. А когда нудная служба подошла к концу, ушла, гордо вздернув нос.

Тогда-то Эдмунд и решил прекратить попытки возобновления знакомства. Уехав на учебу в университет, он по-настоящему оставил Джорджи в прошлом.

Беря с трудом дышащего Льва на руки, чтобы посадить в экипаж, Эдмунд вспомнил ее обвинение. С глаз долой – из сердца вон. Будто это она не получила от него ни одного письма.

Неужели... если мачеха поставила себе цель привести падчерицу в божеский вид – иными словами, превратить ее в благовоспитанную молодую леди, какой она в настоящее время и является, – то могла и не одобрить их переписки. Юным девушкам, строго говоря, не дозволяется писать молодым людям, с которыми не состоят в родстве.

Да, это вполне объясняет, почему он не получил от Джор-

джи ни единого послания, невзирая на ее обещание.

Но... он покачал головой. Ему по-прежнему непонятна причина ее злости, когда перед отъездом в Оксфорд он нанес ей краткий визит.

Если только...

Что она почувствовала, когда он перестал писать ей? Преданной, как и он сам, не получая от нее вестей?

Очевидно, так и было.

Эдмунд счел такое предположение единственно разумным и объясняющим ее поведение в последние десять лет.

Осознание случившегося вспыхнуло в его голове, заставив выпрямиться на сиденье.

Мачеха.

Не из-за ее ли историй Джорджиана считает акт зачатия детей омерзительным и грубым?

Кто еще мог бы забить девушке голову подобными глупостями?

Когда он уезжал из Бартлшэма, Джорджиане ничего не было известно о физической близости между мужчиной и женщиной. Не мог представить он и то, чтобы отец описал брачные отношения таким образом... вообще каким-либо образом. Не пристало отцу подобным заниматься.

Но... Эдмунд заморгал, осматриваясь по сторонам, и обнаружил, что находится на полпути к дому.

– Боже мой, ну что за идиот, – прорычал он. Спеша поскорее избавиться от общества омерзительного кузена Джор-

джианы, он забыл уточнить, где именно в Лондоне она остановилась. А о том, чтобы вернуться и спросить, не могло быть и речи.

– Но, мама, – воскликнула Сьюки, прикладывая к лицу синюю ленту, – разве ты не видишь, что этот цвет придает моему взгляду особую глубину?

Чтобы подчеркнуть сказанное, она широко распахнула свои васильковые глаза. Застывшее в них умоляющее выражение могло бы растопить сердце любого молодого человека в Бартлшэме. Джорджиане в самом деле не раз случалось наблюдать разрушительное действие этих глаз. И миссис Уикфорд – сама обладательница таких же – обучила Сьюки тому, как правильно пользоваться ими в своих целях.

– Синяя лента, может, и идет тебе, – рассеянно отозвалась миссис Уикфорд, едва подняв голову от полученной от модистки коробки, – но сегодня вечером ты будешь в белом. Вся в белом. Именно этот цвет подходит благовоспитанным дебютанткам. А так как мы наконец-то станем выходить в свет, я не позволю ни одной из вас сделаться объектом пересудов.

Она и без того приложила много усилий. Последние две недели они только и делали, что заискивали перед людьми, которые, по ее словам, могли поспособствовать их вхождению в высшее общество. Они приглашали этих почтенных матрон в свой арендованный особняк и угощали чаем с бу-

тербродами, и миссис Уикфорд превозносила красоту Сьюки и родословную Джорджи в надежде получить ответное приглашение.

Тщетно.

Пока случайно не открылось, что некие живущие в паре улиц от них девушки, с которыми они постоянно сталкивались в магазинах или на площади, знакомы с виконтом. Миссис Уикфорд тут же объявила этих девушек лучшими подружками Сьюки и с тех пор всякий раз, собираясь за покупками, звала их с собой. А так как они не меньше Сьюки любили листать модные журналы, радовать себя новинками и болтать о том, как бы поймать в свои сети мужей, то очень быстро стали с ней неразлучными.

Так им и удалось раздобыть приглашение на сегодняшний вечер в Дюран-Хаус, дом упомянутого виконта.

Где Сьюки надеялась очаровать мужчину с титулом и кучей денег в придачу.

В то время как Джорджиана... в ужасе дергала себя за корсаж платья, пытаясь набраться мужества, чтобы выразить протест.

– Раз нам в обязанность вменяется не сделаться объектом пересудов на первом же светском приеме, не кажется ли вам, что мне стоит надеть что-нибудь... поскромнее?

– В твоём наряде нет ровным счетом ничего нескромного, Джорджиана, – отрезала ее мачеха. – Я же уже объясняла тебе, что вечерние туалеты дам более открытые, чем дневные.

Я видела девушек куда моложе тебя, но при этом гораздо более откровенно демонстрирующих свои прелести, – добавила она, кивком указывая на виднеющиеся в вырезе тесного корсажа Джорджианы гордые полукружия груди.

– Да, но Сьюки одета куда более сдержанно... – возразила Джорджи, снова принимаясь теревить платье, но добилась лишь, что мачеха поднялась с места и шлепнула ее по рукам, заставляя убрать их от корсажа.

– Сьюки красивая, – сказала она. – Мужчины уже обратили на нее внимание.

– Ах, мама! – Сьюки уронила ленту на туалетный столик. – Джорджиана тоже красивая. По-своему. То есть, я хочу сказать, наверняка найдутся мужчины, предпочитающие крупных девушек с густыми черными волосами и карими глазами, – уверенно объявила она, несмотря на очевидность обратного.

Ни один молодой человек из Бартлшэма, равно как и из соседних городков, никогда не проявлял к Джорджиане ни малейшего интереса. Хотя мачеха научила ее вести себя как леди, манеры и одежда представляли собой лишь тонкий поверхностный слой. Как бы она ни старалась, все равно всегда будет выглядеть большой и неуклюжей по сравнению со своей изящной младшей сводной сестрой, вызывая у мужчин совершенно иные чувства.

Миссис Уикфорд вздохнула.

– Мужчины, предпочитающие женщин покрупнее, навер-

няка захотят получше рассмотреть ее главное достоинство, не так ли? Не думала, что придется напоминать тебе, Сьюки: каждая женщина обязана наилучшим образом распорядиться тем, чем наградил ее Бог, если хочет выжить в этом жестоком мире. – Она обвела рукой груды бумаги, коробок со снятыми крышками, перчаток и туфельек, лежащих на всех горизонтальных поверхностях гардеробной, которой сестры пользовались вместе.

Возражения замерли у Джорджианы на губах. Глубоко в душе она понимала, что мачеха делает для нее то, что считает лучшим. Просто... Джорджиана вообще не хотела ехать в Лондон. Как она и опасалась, жизнь в столице мало чем отличалась от жизни в пустыне.

Здесь не оказалось ни полей, ни лесов, ни речушек. Верхом можно прокатиться разве что в маленьком чопорном парке, но леди и этого не дозволялось.

Джорджиане в любом случае не удалось бы этого сделать, ведь мачеха продала Уайтсокса. Нижняя губа ее задрожала. Этот конь был последним папиным подарком ей – и последним скакуном в конюшне, на которого они имели право. Мачеха заявила, что будет куда разумнее продать его, ведь в Лондоне им все равно негде его держать, а вырученные деньги пустить на неизбежные текущие расходы.

Джорджиана до последней минуты надеялась, что произойдет какое-нибудь событие, которое помешает совершению сделки. И что ей удастся сохранить эту последнюю свя-

зующую ее с отцом ниточку – но нет. Даже отчаянный призыв к Эдмунду ни к чему не привел. Хотя, конечно, он не знал всей истории.

И это, как она в конце концов решила, целиком и полностью ее вина.

Ей бы следовало обстоятельно изложить причины, вынудившие обратиться к нему за помощью. Возможно, даже в письменной форме. По крайней мере, в таком случае он обошелся бы с ее прошением уважительно. И возможно, повел бы себя поговорчивее.

Она могла хотя бы упросить его выкупить Уайтсокса, чтобы не переживать, в хорошие ли руки он попадет.

Вместо этого, ожидая его прихода, она бередила старые раны и ломала голову над нынешними проблемами, поэтому к его приходу готова была взорваться. Что и сделала. И оттолкнула его от себя.

Если вообще возможно оттолкнуть человека, давным-давно ставшего чужим. Холодным, недоступным незнакомцем, лишь внешне чуть-чуть похожим на мальчика, заключавшего в себе весь ее мир. Незнакомцем, который, повзрослев, ни разу не попытался восстановить их дружбу. Напротив, однажды, завидев ее, он даже перешел на другую сторону улицы.

Вынув носовой платок, она высморкалась.

– Ах, Джорджиана, пожалуйста, не плачь! – воскликнула Сьюки и поспешила к ней, чтобы обнять. – Мама, почему бы

нам не разрешить ей прикрыть грудь кружевной косынкой, а?

Джорджиана обвила руками талию сводной сестры. Милая Сьюки! Какое же доброе у нее сердце!

Всякий раз, как Джорджиана из-за чего-нибудь расстраивалась, Сьюки принималась плакать вместе с ней. Когда мачеха вошла в дом новой женой отца и частенько задавала Джорджиане трепку, Сьюки переживала куда сильнее самой Джорджианы и, садясь у ее кровати, брала ее за руку и умоляла постараться хорошо себя вести, потому что ей невыносимо видеть, что ее часто бьют. В конце концов, Джорджиане стало казаться, что это Сьюки наказывают за ее провинности.

Так совместными усилиями мать с дочерью искоренили желание Джорджианы бунтовать против правил и условностей, определяющих поведение молодых леди. Да и к чему ей было продолжать вести тот образ жизни, что был у нее до повторной женитьбы отца? Эдмунд уехал, и ей не с кем стало боксировать, рыбачить и фехтовать. Местные мальчишки хоть и перестали дразнить ее за то, что отличается от прочих девочек, когда она побила парочку самых крупных из них, в свои ряды ее не приняли. В то время Сьюки была единственной, кто хотел с ней дружить. Она ходила за Джорджи по пятам, точно щенок, то и дело повторяя, как ей всегда хотелось иметь сестру.

– Кружевной косынкой? Тогда все решат, что у нее на-

прочь отсутствует вкус. Нет, нет и нет! Если мы хотим найти Джорджиане мужа, нужно заставить мужчин обратить на нее внимание.

– Но я не хочу замуж, – запротестовала та, снова принимаясь дергать себя за корсаж.

– О боже, только не начинай сначала! – устало проговорила миссис Уикфорд. – Уважаемая женщина должна вступить в брак, если только у нее нет семьи, готовой позаботиться о ней. И обсуждать тут больше нечего.

– Я знаю, но...

Миссис Уикфорд подняла руку, призывая к молчанию.

– Я пообещала твоему отцу, что найду для тебя хорошего мужа, и так и сделаю.

Джорджиана села на стул, не в силах оспаривать последнюю волю папы.

– Любитель спорта, возможно? Не это ли всегда повторял твой отец? Что только спортивный аристократ тебе и подойдет, такой же энергичный, как ты, и разделяющий увлечение верховой ездой.

– Да, папа действительно так говорил, – угрюмо подтвердила Джорджиана. Он надеялся, что однажды она приведет в его дом именно такого зятя. Раз сама не родилась мальчиком, лучшее, что могла сделать, – это выйти замуж за человека, которого он с радостью назвал бы сыном.

Но она не хотела связывать судьбу с подобным человеком, поскольку от любителей лошадей и скачек всегда несет

конюшной, что неизбежно возвращало мысли Джорджианы к омерзительной сцене, свидетельницей которой она стала. Всякий раз, думая об этом, она вспоминала, как горничная заливалась слезами, лишившись работы и дома.

Легко было мачехе говорить, что девушке не следовало позволять мужчине делать с ней то, что он сделал, пока они не женаты, но Уилкинз-то имел свое мнение на этот счет.

– Кроме того, ты же хочешь иметь детей? Разумеется, хочешь! – безжалостно продолжала мачеха, не давая Джорджиане и слова сказать. – Это вполне естественно.

– В таком случае я самая неестественная из всех женщин, – со вздохом ответила она, зная, что зачать ребенка можно, лишь проделав то, что Уилкинз проделал с горничной, а это выглядело в высшей степени омерзительно. Джорджиана не могла позволить мужчине делать с ней... это. От самой мысли об этом ее начинало мутить.

– Ты совсем по-другому заговоришь, когда встретишь правильного мужчину, – заявила ее мачеха. – Который одним взглядом развеет все твои глупые девичьи страхи и фантазии. Не удивлюсь, если это случится сегодня вечером.

– Зато я удивлюсь, – мрачно отозвалась Джорджиана. – Потому что светские мужчины предпочитают брать в жены девушек с титулом или приданым. А у меня нет ни того ни другого.

Миссис Уикфорд замерла на месте.

– Джорджиана! Я полагала, ты понимаешь, на что я потра-

тила деньги, отложенные отцом тебе на будущее. Твое представление ко двору было его сокровенным желанием. Будь он жив, уверена, сам бы все организовал точно так же.

Джорджиану ее слова ничуть не убедили. Если бы отец мечтал о представлении дочери ко двору, то наверняка сказал бы ей об этом, вместо того чтобы делиться лишь с женой, так что сама Джорджиана узнала о его планах только после его смерти.

– Я... должна признать, что не вполне представляла, сколько это будет стоить. Из-за необходимости заплатить той женщине, вместо того чтобы... ну... – Миссис Уикфорд резко замолчала. – Я на подобное не рассчитывала. Не говоря уже обо всех этих обручах и перьях, а также драгоценностях, позволяющих вам выглядеть так, будто и правда принадлежите к высшему обществу...

Сьюки послала Джорджиане умоляющий взгляд, и та снова подавила закипающее в душе возмущение и ответила именно так, как ожидалось:

– Я знаю, матушка. Понимаю, что вы стараетесь изо всех сил... в нынешних непростых обстоятельствах...

– Непростых? Да тебе и половины неизвестно! Плохо уже то, что слабоумный кузен твоего отца снял для нас дом здесь, в Блумсбери, несмотря на высказанную мной настоятельную просьбу проживать по модному адресу...

Миссис Уикфорд окинула тесную, загроможденную вещами гардеробную, которую вынуждены были делить девушки,

полным ненависти взглядом, и этого оказалось почти достаточно, чтобы приободрить Джорджиану, вспомнившую уверения мачехи, что в вопросах аренды мужчины понимают куда больше. Мачехе пришлось прикусить язычок в тот самый миг, как они вышли из экипажа, а рядом остановился фургон с их пожитками. Блумсбери отнюдь не считался модным районом Лондона, совсем наоборот. Их соседями оказались отставные адмиралы и капитаны, а вовсе не маркизы и графы. Миссис Уикфорд простила бы эту оплошность, будь особняк попросторнее, но, осмотрев его, пришла к выводу, что лишь гостиные могут похвастаться размерами, в то время как комнаты второго этажа, где им предстоит спать, настолько малы, что напоминают монашеские кельи.

Джорджиана ничуть против этого не возражала. Наоборот, впервые после повторной женитьбы отца у нее появилась отдельная спальня. По-иному просто не получалось, поскольку никому не по силам было втиснуть две кровати ни в одну из комнат наверху. Не говоря уже о шкафах, комодах и полках, чтобы разместить все купленные ими наряды и безделушки.

А вот мачеха пришла в ярость. Она-то рассчитывала, что Сьюки поймает в свои сети ни больше ни меньше пэра, который, очарованный ее красотой, едва надев ей кольцо на палец, без возражений возьмется обеспечивать и ее матушку с сестрой.

Однако шансы на претворение в жизнь столь грандиозно-

го плана, оставаясь в Блумсбери, представлялись такими же ничтожно малыми, как и их спальни.

– Не желаю больше слышать глупости из уст ни одной из вас! – нервически воскликнула миссис Уикфорд.

С этими словами она покинула гардеробную девушек, спеша принарядиться к сегодняшнему вечеру.

На мгновение воцарилась тишина. Сьюки с тоской во взгляде трогала кончиком пальца синюю ленту, а Джорджиана с тревогой рассматривала собственное отражение в зеркале.

– Неужели ты ничуть не взволнована посещением первого светского приема? – удивилась Сьюки, очевидно заметившая выражение лица сестры.

– Нет, – резко отозвалась та. – Он меня пугает. – Желудок крутило от недобрых предчувствий с тех пор, как Эдмунд отверг ее. Она понимала безнадежность попыток пробить брешь в окружающей его крепостной стене, чтобы проникнуть в цитадель и обрести там желанное убежище. Разумеется, подобно большинству солдат со схожей миссией, ее грубо пресекли прежде, чем она успела добраться до цели.

– Кроме того... – Она повернулась к Сьюки, и в голове тут же всплыло беспокойство иного рода.

– О, Джорджиана, не начинай опять! – Сьюки надула губки.

– Прости, Сьюки. Я знаю, ты очень сдружилась с Дотти и Лотти Пагеттер, но все же чувствую себя виноватой от того,

что матушка буквально преследовала их, узнав, что их кузине недавно посчастливилось выйти замуж за виконта.

– Никого она не преследовала.

– Но дружелюбие стала проявлять, только узнав о наличии виконта в их окружении.

Сьюки захихикала:

– Полагаю, это было несколько...

«Жестоко», – подумала Джорджиана, но вслух ничего не сказала.

– Тебе никогда не приходило в голову, что будет, если вы троим влюбитесь в одного и того же мужчину?

Сьюки покачала головой. При этом на лице у нее появилось выражение, столь похожее на материнское, что Джорджиана удивилась, как это ее не выбрали.

– Мы пожелаем друг другу удачи и приложим все усилия, чтобы выйти победительницей. Боже мой, Джорджиана, разве охотники в полях не поступают точно так же? Никто же не ожидает, что они пойдут на уступки противнику.

Настал черед Джорджианы удивляться.

– Ты считаешь мужчин своей добычей?

Сьюки снова захихикала:

– Почему бы и нет? Принимать участие в этой игре очень весело, Джорджиана.

– Но это ведь не игра, не так ли? Это... наша жизнь. – Ужас перед тем, с чем вот-вот предстоит столкнуться, сковал ее сердце.

– Именно. Нужно насладиться в полной мере.

– Но...

– Будь же благоразумной, Джорджиана! Женщинам положено выходить замуж...

– В том-то и проблема! Родись я мужчиной, мне не пришлось бы зависеть от мужа.

Сьюки весело взвизгнула:

– Вот уж не надо!

– Ох, ну ты же поняла, что я имею в виду, – ответила Джорджиана, не в силах сдержать улыбки от того, что сестра намеренно ее не поняла. В этом вся Сьюки. Даже когда Джорджиана пребывала в самом подавленном состоянии, младшей сестре почти всегда удавалось приободрить ее. Она даже сумела заполнить бездну, разверзшуюся в сердце Джорджианы после отступничества Эдмунда. Хотя Эдмунд, с тоской размышляла она, никогда не приходил в ужас от ее поведения и не удивлялся ее суждениям.

– Будь я мужчиной, – продолжила она, хоть и понимала тщетность подобных мечтаний, – научилась бы ездить верхом, сама зарабатывала бы себе на жизнь и хозяйство тоже вела бы сама...

Джорджиана надеялась, что именно так и будет жить на оставленные ей отцом деньги. Купит где-нибудь маленький коттеджик и заживет очень просто. Вместе с мачехой и сводной сестрой, конечно, только они втроем. И чтобы никаких мужчин поблизости, ведь они так все осложняют!

Но миссис Уикфорд ни о чем подобном и слышать не желала. Она придерживалась прочно укоренившегося мнения о том, что женщины нуждаются в заботе мужчин, и ничто не могло поколебать этого убеждения. Даже дом в Блумсбери.

– Джорджиана, ради бога! Если бы мама это услышала...

– ...то сказала бы, что я недостаточно стара для подобного, – со вздохом закончила Джорджиана.

– Нет, – возразила Сьюки. – Она бы этого не сказала, потому что ты слишком умна, и не стала бы огорчать ее. – Она послала сестре многозначительный взгляд.

Джорджиана тяжело вздохнула.

– Прости, Сьюки. Знаю, ты очень рада полученному приглашению на прием, и не хочу своим подавленным настроением все испортить.

– Просто ты взволнована, как мне кажется, – милостиво ответила Сьюки. – Ох, я и сама как на иголках! До сих пор не могу поверить, что миссис Пагеттер удалось внести наши имена в список приглашенных ее племянницы, когда всем вокруг известно, что предполагается тихий прием только для членов семьи и близких друзей. Я слышала, там будут по крайней мере два виконта и одному Богу известно кто еще. – Она бросила прощальный, исполненный печали взгляд на ворох лент и повернулась к Джорджиане. – Думаю, мы с тобой составим отличный дуэт, раз обе будем в белом.

– Как ты добра, Сьюки. – Таким образом она обычно выказывала свою солидарность. – Но даже увидев нас стоящи-

ми рядышком, никто и не подумает, что мы сестры. Хотя, надеюсь, нам не придется долго стоять друг подле друга. Тебя отнесет от меня волной смеха и болтовни, как только прибудем на место, и ты окажешься в эпицентре веселой компании. В то время как я отыщу для себя тихий, неприметный уголок, где и укроюсь ото всех. Надеюсь, у Дюранов есть пальмы в больших кадках.

– Укроешься за пальмой в кадке? Что за идея? Не станешь же ты отказываться от шанса, который мама с таким трудом для нас добыла?

– Для тебя все сложится наилучшим образом, – запротестовала Джорджиана, – потому что не на твой бюст будут смотреть все присутствующие мужчины. Нет, они запомнят черты твоего лица, возможно, даже какого цвета у тебя глаза. Что касается меня, то их взгляды не поднимутся выше шеи, и все из-за вот этого. – Она с отчаянием указала себе на грудь. – Ах, мой бюст слишком велик и тяжел... и с ним неудобно скакать верхом.

– Потому что привыкла ездить галопом. Вот если бы выбирала более спокойную манеру верховой езды...

– Не стану я выбирать более спокойную манеру верховой езды потому лишь, что на мой тринадцатый день рождения у меня выросла грудь!

– Однако именно так леди подобает кататься на лошади, – отозвалась Сьюки и, озадаченно покачав головой, шагнула к зеркалу полюбоваться своим отражением.

А Джорджиана осталась при мнении, что, какой бы красивой и женственной ни была Сьюки, в глубине души она похожа на свою мать. Именно по этой причине Джорджиана, хоть и испытывала к сводной сестре теплое чувство, никогда не была с ней абсолютно откровенной.

Как когда-то с Эдмундом, который был единственным человеком, после папы, принимавшим ее такой, какая она есть.

Глава 5

Эдмунд пробрался через толпу людей, осаждавших ограждения Дюран-Хаус, и назвал стоящему на входе дородному лакею свое имя.

Эдмунд знал, что сегодняшней прием вызовет интерес в определенных кругах, но ему и в голову не приходило, что соберется так много зевак. Он явно недооценил количество любителей посплетничать об увиденном. Хотя лорд и леди Хэйвлок, хозяйева Дюран-Хаус, сами немало поспособствовали созданию шумихи. Леди Хэйвлок была никому не известна до замужества, а замуж она вышла накануне Рождества, когда большинство представителей света находились в своих загородных имениях. По утверждениям горстки избранных, вхожих в Дюран-Хаус до того, как там поселилась чета Хэйвлоков, особняк чудесным образом преобразился, и все благодаря стараниям новой хозяйки.

Более того, прежде чем эта загадочная дама заняла свое место в высшем обществе, ее лорд проявил не меньшую прыть на другом поприще – и теперь они ожидали наследника. Как следствие, на публике она появлялась очень редко, а приглашений в Дюран-Хаус и вовсе никто не удостоивался. Это, в свою очередь, означало, что все сгорали от желания лицезреть переделанное согласно вкусу молодой леди Хэйвлок внутреннее убранство особняка.

– Вас ожидают, лорд Эшенден, – проговорил лакей и посторонился, освобождая для него проход.

Поднимаясь по ступеням парадного крыльца к двери, распахнувшейся перед ним, как по волшебству, Эдмунд не сдержал усмешки. Мачеха Джорджианы, должно быть, возликовала, получив приглашение на этот «тихий прием только для членов семьи и близких друзей», особенно узнав, сколь многие в число избранных не попали. После сегодняшнего вечера Уикфордов будут приглашать на самые разные мероприятия, устраиваемые дамами, чье стремление послушать рассказы о внутреннем убранстве Дюран-Хаус не знает границ.

Эдмунд передал пальто и шляпу открывшему дверь лакею и зашагал вдоль обшитой деревянными панелями стены к расположенной с левой стороны лестнице, насчитывающей несколько пролетов и поднимающейся к галерее второго этажа. Фойе было очень просторным и впечатляющим, но одновременно и гостеприимным, несмотря на устрашающие лица предков лорда Хэйблока, хмуро взирающих на посетителей с портретов в тяжелых золоченых рамах.

Эдмунду не было дела до давно умерших аристократов. Честно говоря, и до ныне здравствующих тоже. В настоящий момент в его мыслях безраздельно царила Джорджиана.

После того, при каких обстоятельствах они расстались, она, должно быть, сердится на него. Но на этот раз ему известна причина ее гнева, и он припас логическое объясне-

ние. По крайней мере, надеется объяснить, почему не нанес ей визита до ее отъезда из Бартлшэма. Он не сомневался, что она поймет его стремление прежде тщательно обдумать сложившуюся ситуацию. А когда он выкажет готовность возобновить их дружбу – но не вступать с ней в брак, – она непременно простит его.

Чего он делать не собирался, так это оправдываться за то, почему не нанес ей визита, уже находясь в столице. Газеты регулярно писали о его перемещениях, хотя причины подобного интереса оставались для Эдмунда загадкой. В глазах Джорджианы он предстал бы либо слишком занятым, либо безразличным. Кроме того, как он резонно рассудил, им бы все равно не дали поговорить с глазу на глаз. Он как наяву представил себя сидящим у нее в гостиной – отличная мишень для ее мечущих кинжалы взглядов! – неспособным объяснить сложившуюся ситуацию.

Придя к такому заключению, Эдмунд задумался, как Джорджиане вообще удалось устроить их свидание у ручья. Но гадал он недолго. На ней ведь была амазонка для верховой езды, а лошади поблизости он не увидел. Значит, она ухитрилась оставить где-то грума, а сама ненадолго ускользнула к ручью.

Эдмунд покачал головой. Должно быть, у ее мачехи совсем мозги куриные, раз считает возможным отпускать падчерицу куда-то под присмотром одного лишь грума. Неужели не знает, какой дикий, необузданный дух обитает в креп-

ком, ладном теле Джорджианы?

При мысли об этом у Эдмунда быстрее забилося сердце.

Впрочем, возможно, оттого, что он только что преодолел несколько лестничных пролетов и вот-вот войдет в парадный зал, где наверняка ее увидит. Он нарочно прибыл поздно, предупредив лорда Хэйблока, что «заглянет на минутку» по дороге с другого мероприятия.

– Будет лучше, если я возобновлю знакомство с мисс Уикфорд как бы случайно встретив ее на одном из лондонских приемов, – объяснил он.

– Ну, если ты именно так хочешь все представить, – с усмешкой отозвался лорд Хэйвлок, поднимая брови.

Эдмунд поджал губы. Узнай лорд Хэйвлок и остальные его истинные мотивы, стали бы потешаться над ним. Но выбора не осталось. Время шло, а он ничего не достиг. Не обнаружив следа Джорджианы в высших кругах, он заключил, что ее мачеха не погнушается никакими связями и с радостью примет приглашение менее благородных лиц на приеме, куда самому ему путь заказан.

К счастью, в его клубе нашлось несколько человек с нужными знакомствами и, что еще более важно, умеющих держать язык за зубами. Лорды Чепстоу и Хэйвлок женились на дочерях мелкопоместных дворян, а мистер Морган, несмотря на баснословное богатство, не мог похвастаться и таким происхождением. Кроме того, в прошлом их квартет уже решал важную проблему, когда лорд Хэйвлок признался в

необходимости как можно скорее найти себе невесту.

Эдмунд тогда посоветовал ему составить список желаемых качеств, чтобы сосредоточиться на главном, а остальные двое помогли отыскать Хэйвлоку идеальную нареченную. В пользу их единства свидетельствовало и то, что с тех пор ни один из них и словом не обмолвился о произошедшем, хотя многие мужчины на их месте впоследствии не преминули бы пошутить на эту тему.

Поэтому Эдмунд чувствовал себя уверенно, посвящая друзей в свою дилемму.

– Долг платежом красен, – сказал Хэйвлок, услышав, что Эдмунду требуется помощь. – Что я могу для тебя сделать?

– Я пытаюсь отыскать... одну молодую леди, свою знакомую, приехавшую в Лондон. Настаиваю на соблюдении строжайшей тайны.

– Ну, на мой счет можешь не сомневаться, – обиженным тоном отозвался Хэйвлок.

Эдмунд вздохнул. Он и позабыл, какой у друга взрывной темперамент, могущий вспыхнуть от самого, казалось бы, невинного замечания.

– Я и не сомневаюсь, – миролюбиво проговорил он. – А теперь к делу. Эта молодая леди не вхожа в круги, в которых мы обычно вращаемся. Ее мачеха... – Он на мгновение запнулся. – По слухам, отец этой дамы был бакалейщиком в каком-то богом забытом городке, а первый муж – портным.

– Дочурка не пытается скрыться от тебя, а? – спросил Хэй-

влок, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди.

– Ничего подобного! Этой... дочери бакалейщика по-счастливилось повторно выйти замуж за овдовевшего егермейстера из Бартлшэма, деревеньки, где я провел детство. Мое родовое имение находится неподалеку. Потом муж умер, и его вдове пришлось освободить дом, унаследованный родственником по мужской линии. Она привезла своих... дочерей в Лондон в надежде найти для них обоих состоятельных мужей. Я просто хочу... помочь им, если это в моих силах. Для этого мне нужно знать, где они поселились и с кем водят знакомство.

– Ускользнули, даже адреса не оставив? – уточнил Хэйвлок, по-прежнему хмурясь.

Эдмунд почувствовал, что краснеет.

– Я собирался нанести им визит до их отъезда из Бартлшэма, но... меня отвлекли... другие дела... а потом стало слишком поздно. Я чувствую, что будет неправильным не оказать им посильное содействие, тайно... и бескорыстно, ведь мы были соседями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.